формирования. Замечательно, что русский переводчик ограничился лишь первым разделом сочинения «Über Empfindsamkeit und Empfindelei» и даже опустил часть заглавия: «in pädagogischer Hinsicht» («в педагогическом отношении»). Так книга, имевшая явно учебно-воспитательный характер, превратилась в своеобразный этюд, посвященный нравственной проблеме, остро интересовавшей русских литераторов того времени.

Ложная чувствительность оказывалась опасным врагом приверженцев нового направления, провозглашавших важнейшими принципами художественного творчества естественность, простоту и искренность. Угроза была тем значительнее, что в описаниях чувствительных сцен или характеров скоро появились определенные стереотипы, штампы — знаменитые сентиментальные слезы и вздохи. Истинная чувствительность, неумело изображенная, легко рисковала превратиться в ложную, т. е. опошлиться, а это могло скомпрометировать направление в целом. Борьба с ложной чувствительностью стала превращаться в борьбу с пошлостью и фальшью. Таким образом, вопрос, поставленный в сочинении Кампе, имел для русской литературы широкий этический и эстетический смысл.

В 1797 г. Карамзин предпосылает второму тому альманаха «Аониды» свою знаменитую программную статью, где затрагиваются темы, которые непосредственно соотносятся с сочинением Кампе. Но если у немецкого автора проблема «ложной чувствительности» была связана прежде всего с задачами воспитания, то статья Карамзина имела характер литературного манифеста. Кампе говорил о проявлениях ложной и истинной чувствительности в повседневной жизни, учил, как вести себя. Карамзин размышлял, как нужно и как не нужно писать, как стать подлинным мастером, как разграничить ложную и истинную чувствительность в поэзии, в искусстве. Речь шла о «двух главных пороках наших юных муз»: «излишней высокопарности» и «притворной слезливости».[37] Первый порок, в котором можно было упрекнуть эпигонов классицизма, в сущности в глазах критика тоже являлся профанацией подлинного чувства. По поводу второго Карамзин говорил следующее: «Не надобно также беспрестанно говорить о слезах, прибирая к ним разные эпитеты, называя их блестящими и бриллиантовыми, — сей способ трогать очень ненадежен: надобно описать разительно причину их; означить горесть не только общими чертами, которые, будучи слишком обыкновенны, не могут производить сильного действия в сердце читателя, — но особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта».[38] Эта декларация вовсе не означала отказа от принципов сентиментализма; напротив, утверждала их, углубляя и отделяя от проявлений ложной чувствительности, которая компрометировала направление. Интересно, что в статье Карамзина можно найти ана-

---

[37] *Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 2. С. 143.
[38] Там же. С. 144.